

Юрий Альпертен: дирижерами не становятся, а рождаются

«Оркестр как корабль: направьте его по верному пути, остальное он сделает сам», – говорил Герберт фон Караян. Юрий Альпертен уже 17 лет уверенно направляет корабль Пярнуского городского оркестра и 30 лет ведет еще одно крупное судно – оркестр Национальной оперы «Эстония».

DEN ZADNOM

21.02.15

Тамара УНАНОВА

Моим кумиром был Неэме Ярви

– Все вело к тому, что вы станете пианистом?

– Не сказал бы. Лет с шести я очень любил ходить на репетиции и концерты симфонического оркестра, в котором играл мой папа. Я даже ездил с отцом в Тарту, Пярну... Моим кумиром был Неэме Ярви. Я хотел быть, как он, дирижером. Взялся на скамейку и с карандашом в руке пытался дирижировать.

– Что же вас, маленького мальчика, привлекало в этой профессии?

– Теперь и не вспомню, но, думаю, причина крылась в личности Неэме Ярви. Есть люди, которые умеют преподнести свою профессию так, что кажется: ничем другим просто невозможно заниматься.

– Тем не менее сперва вы стали пианистом и лишь потом – дирижером. Вряд ли я ошибусь, сказав, что большое влияние на вас оказал Бруно Лукк, у которого вы учились в школе и консерватории, в общей сложности 14 лет...

– Еще бы! Благодаря ему я и стал музыкантом. Бруно Лукк был очень сильной личностью. Он всегда мог убедить меня в своей правоте. С другой стороны, если он видел, что человеку есть что сказать, то не давил авторитетом, не говорил, что можно только так, а не иначе. На уроках он никогда не говорил о технических вещах, для него они были само собой разумеющимися. Кстати, это качество отличает и Неэме Ярви. Помню, на мой вопрос о том, как лучше сделать какую-то трудную вещь, Неэме от-

В 2014 году Альпертен был удостоен премии Эстонского музыкального союза интерпретаторов и премии имени Йохана Вольдемара Янсена. Он убежден, что дирижерами рождаются, и вся его биография – тому подтверждение.

Он родился в семье музыкантов: его отец Моисей Альпертен был скрипачом Эстонского государственного симфонического оркестра, мама, пианистка Рената Гозная, более 50 лет преподавала в Таллиннском музыкальном училище имени Георга Отса. Альпертену на роду было написано стать не дирижером, то скрипачом или пианистом. Однако... «Мама не хотела, чтобы я стал музыкантом, – рассказывает Юрий. – И она очень обрадовалась, когда в детском саду сказали, что у меня нет музыкального слуха. Так решили потому, что я совершенно не могу петь. Потом, когда в детский сад пришла какая-то комиссия, у меня обнаружили абсолютный музыкальный слух. Мне тогда было лет пять-шесть, и мама поняла, что никуда не деться, надо ребенка учить музыке. Я начал потихоньку, вначале дома, учиться игре на фортепиано. Моим первым учителем стала мамина подруга, потом я поступил в Таллиннскую музыкальную школу-десятилетку».

ветил: «Не надо делать из этого проблемы. Это очень просто». Конечно, если у человека все получается, ему трудно представить, что может быть иначе.

– Какие произведения вы открыли в годы учебы у Бруно Лукка?

– Очень часто я сам предлагал сыграть то или иное сочинение и обычно находил у него поддержку. В пятом или шестом классе я начал потихоньку учить Первый концерт Чайковского, чтобы сыграть его в школе на выпускном экзамене. И Бруно Лукк одобрил мое решение.

– Вы ведь еще учились игре на кларнете?

– Да, в школе. В десятом классе всем ученикам раздали духовые инструменты, чтобы, если призовут в армию, мы смогли попасть в военно-духовой оркестр. Я получил трубу и даже пробовал на ней играть. Но мне с детства больше нравился кларнет, его звучание, и я поменял инструмент. Так получилось, что кларнет стал моей второй специальностью.

В Ленинград, к Илье Мусину

– Консерваторию вы окончили как пианист, причем *sum laude*. Мама, наверное, была довольна?

– Конечно. Хотя в глубине души она знала, что для меня фортепиано – лишь ступенька к профессии дирижера. Я мечтал только об этом и слушал не фортепианную, а оркестровую музыку. С детства меня привлекало звучание оркестра, многообразие красок. Я так привык на протяжении 15 лет ходить на репетиции и концерты, что без этого себя не мыслил. Мне не терпелось скорее встать за дирижерский пульт. Еще в консерватории я стал факультативно брать уроки дирижирования у Романа Вольдемаровича Матсова – в то время такой специальности, как дирижирование, у нас не было.

– Вы твердо знали, что хотите стать дирижером, и потому отправились в Ленинград, к легендарному Илье Мусину?

– За несколько лет до этого я ездил к нему на уроки. Он уже начал понемногу ставить мне руки. Вообще самым первым моим учителем был Валерий Гергиев, года за два до того окончивший консерваторию под руководством Мусина. Когда я приехал поступать, Илья Александрович охотно взял меня к себе на курс – он ведь уже знал меня.

– О Мусине рассказывают, что он мог научить дирижировать любого...

– Именно так! Он сам говорил, что может взять уборщицу и за полчаса научить ее махать руками. Другой вопрос, что она дальше будет делать с этими руками. Ес-

ли ты музыкант, тебе руки нужны, чтобы выразить какие-то идеи, мысли, чувства, иначе толку не будет и с поставленными руками. Технике можно научить, но этого недостаточно для совместного музицирования с оркестром, подлинного управления им. Я заметил, что среди воспитанников Мусина настоящие музыканты имеют свое лицо, индивидуальность – в отличие от тех, кто не обладал особым талантом и теперь, как близнецы, похожи друг на друга.

– В те годы питерская музыкальная жизнь была очень насыщенной, Мравинский возглавлял свой оркестр...

– Концерты Мравинского всегда становились событием! Чтобы попасть на его концерт, надо было в пять утра встать в очередь за билетом, записаться... В Ленинград приезжали знаменитые оркестры и дирижеры. Мне посчастливилось слушать *Orchestre de Paris* с Даниэлем Баренбоймом, Чикагский с Джорджем Шолти, Нью-Йоркский с Зубином Метой, Малеровский оркестр с Клаудио Аббадо. Много раз приезжал Эмил Чакыров, очень одаренный болгарский дирижер.

Об опере и талантливых режиссерах

– Кто-то из дирижеров потеснил на пьедестале Неэме Ярви?

– В плане мануальной техники Неэме для меня идеал. Непререкаемый авторитет – Аббадо, Шолти... Из старых маэстро самое сильное впечатление оставил Фуртвенглер. К сожалению, я не слышал и не видел живьем Караяна, хотя он и приезжал в Ленинград. Должен признаться, что я не принадлежу к тем людям, для которых нет авторитетов, которые идут на концерт Аббадо и отмечают, что все-таки у него и то не так, и это... У меня есть своя плеяда неприкасаемых, которые где-то там, на Олимпе.

– Ваша специальность – оперный и симфонический дирижер. К чему вы тяготеете больше?

– Возможно, я больше тяготел к симфонической музыке, но если мне сейчас скажут, что я буду дирижировать только симфоническую музыку и не смогу дирижировать оперы, я сильно расстроюсь. Я очень люблю оперу.

*Я немного побаиваюсь
композиторов,
родившихся в XX веке,
– за исключением
Шостаковича*

– Вы начали работать в театре «Эстония» сразу после завершения учебы или раньше?

– Еще студентом я стал потихоньку дирижировать какими-то спектаклями. Первым моим спектаклем стала опера Верди «Аттила» – с Мати Пальмом, Тийтом Куузиком, Хендриком Круммом. Блестящий был состав певцов! После «Аттилы» был балет: «Жар-птица» и «Игра в карты» Стравинского. Потом пошли уже такие серьезные оперы, как «Кармен» Бизе и «Летучий голландец» Вагнера. Сейчас я понимаю, что начало у меня было просто замечательное!

– Дирижер Юрий Темирканов отказался участвовать в постановке оперы «Пиковая дама» в Лионе, так как, на его взгляд, режиссер опошлил идеи Пушкина и Чайковского. Как вы относитесь к позиции Темирканова и его словам «оперу убивают режиссеры – и почти уже убили»?

– Я с ним во многом согласен. Я приверженец традиционного подхода и предпочитаю, чтобы действие оперы происходило в период, указанный в либретто, и поведение героев на сцене соответствовало их музыкальным характеристикам. Композитор в партитуре написал все, вплоть до мельчайших нюансов, сделал ремарки. Хороший режиссер должен суметь все это прочитать. Для меня талантливый режиссер – тот, кто, оставаясь верным автору, сможет вы-

разить свой взгляд на историю, рассказанную композитором. Если я понимаю, что его решение обосновано, я могу принять даже перенос времени и места действия. Помню, много лет назад я смотрел постановку «Риголетто» в Английской национальной опере. Несмотря на весьма смелое решение – там действует настоящая мафия, а не придворные герцога, – происходящее на сцене не противоречило музыке, все было обосновано. В опере главное – музыкальная драматургия, ей и должен следовать постановщик. Иногда мне кажется, что я старомоден, что мои взгляды устарели. Есть люди, которые всегда идут в ногу со временем. Я – другой. Но если постановка талантливая – даже если я морщусь от радикальных режиссерских находок, – я досмотрю ее до конца.

Брамс и Моцарт каждый день

– С 1998 года вы возглавляете Пярнуский городской оркестр, который под вашим руководством добился значительных успехов и признания. С чего все начиналось?

– Я пришел в этот коллектив через три года после его создания. Вначале меня пригласили продирижировать один концерт, другой, а в конце 1997 года предложили стать главным дирижером.

С тех пор я с ними работаю. Пытаюсь улавливать настроения музыкантов, и пока что оркестр настроен на то, что

бы я работал и дальше.

– Видимо, там вам в большей мере удается осуществлять музыкальные замыслы, не реализованные в театре?

– Естественно. Я беру симфоническое произведение и делаю его от начала до конца. Возможно, это моя ошибка, но я никогда не стремился найти для себя какую-то нишу. Многие дирижеры, чтобы выделиться, стремятся дирижировать то, что никто другой, кроме них, не исполняет. Я не хочу себя ограничивать – в мире полно музыки, к которой я еще не прикасался.

– Как вы относитесь к современной музыке?

– Я немного побаиваюсь композиторов, родившихся в XX веке, – за исключением Шостаковича. Поэтому, если мне предлагают что-то сыграть, я должен вначале с этим ознакомиться. Скажем, если мне предложат сделать концерт из шести малоизвестных, забытых симфоний Моцарта, я сразу скажу: да, с удовольствием. А если речь идет о композиторах, чьих имен я не слышал, я должен предварительно посмотреть партитуру и решить, стоит ли это исполнять.

– Но Арво Пярта вы играете?

– Хотел бы, но побаиваюсь – уже из других соображений. Музыка Пярта слишком сложна для меня. Да у меня и не было особенно много возможностей исполнять Пярта. С Пярнуским оркестром, конечно, кое-что играли, в том числе Cantus памяти Бенджамина Бриттена. Есть композиторы, по отношению к которым я испытываю некий пиетет. Для меня Бах – это что-то там, высоко...

– А кто ваши «домашние», родные композиторы?

– Моцарт! Я могу слушать Моцарта каждый день. Брамса готов всегда слушать. У Чайковского – три последние и первую симфонии, концерты, «Франческа да Римини». Бетховена я раньше немного побаивался, а в последнее время стал чувствовать его лучше и более или менее готов его исполнять. Люблю Малера, у Сибелиуса – скрипичный концерт и еще некоторые сочинения, у Листа – «Фауст-симфонию»... Очень люблю

«Симфонические танцы» Рахманинова.

Оркестр обмануть нельзя

– Путь от пианиста до дирижера в наши дни проходят немногие: Даниэль Баренбойм, Владимир Ашкенази, Михаил Плетнев. В чем секрет профессии дирижера?

– Если коротко: дирижером надо родиться. Нужно изначально обладать качествами, которые невозможно приобрести в процессе обучения, но можно помочь их развить. Своим ученикам, студентам Академии, я пытаюсь объяснить, что могу в какой-то мере помочь им выразить то, что у них накипело. Но я не могу им это внушить. Если человеку есть что сказать, уже можно начинать говорить о том, как, какими средствами это лучше сделать. Технике научить можно, но техника не спасет, если за ней ничего нет, если она лишена содержания.

– Николай Алексеев любит повторять, что дирижер – это профессия второй половины жизни, и лишь после 50 лет можно говорить о зрелости дирижера...

– Думаю, это применимо к любому музыканту, будь то скрипач, пианист, органист или флейтист, – он развивается, и ему все время кажется, что только теперь он понял, как нужно играть. Полгода назад я вдруг ощутил, что у меня что-то стало получаться, и я стал думать, как же я дирижировал раньше... Профессия дирижера все же отличается от профессии

инструменталиста: пианист или скрипач технику приобретает в детстве и юности, и вряд ли он начнет в 50 лет как-то ее менять. У нас, дирижеров, иначе. Всегда можно открыть что-то прежде неизвестное, о чем раньше и не помышлял.

– Какими качествами должен обладать тот, кто выбирает профессию дирижера? Евгений Светланов говорил, что дирижер – это «сплошное мистериозо», магия, колдовство, флюиды, Герберт Караян называл дирижера «манипулятором музыки»...

– Я бы сравнил дирижера с руководителем страны. Это должна быть Личность с большой буквы. Если ты обладаешь даром убеждения, можешь сделать так, чтобы люди за тобой шли, значит, ты можешь быть дирижером – я сейчас не говорю о музыкальном таланте, это само собой разумеется. Если ты убеждаешь только на словах, а все остальное держится на административном ресурсе – как бывает и в политике, – тогда это для меня не дирижер. Есть музыканты, которые могут объяснить оркестру каждую ноту, не слишком прибегая к помощи рук, и при этом добиваются прекрасного звучания. Особенно если в оркестре очень хорошие музыканты. Оркестр обмануть нельзя. Публику – можно.

– У вас были случаи, когда приходилось преодолевать сопротивление оркестра новому дирижеру?

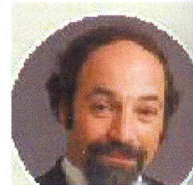
– Честно скажу, не помню. Разве что... В конце 1980-х годов я приехал в Ленинград дирижировать вторым филармоническим оркестром, и когда меня предста-

и, кто-то из музыкантов выкрикнул: «родный фронт». Потом они меня зва- еще раз пять, и с этим оркестром у ня сложилось очень плодотворное со- дничество. Видимо, я сумел их убе- ть. Музыканты быстро понимают, ко- можно доверять. Если они чувствуют, о дирижеру доверять не следует, они тут посмеиваться и стараться спра- ться без него. К счастью, у меня таких чаев не было.

Справка «ДД»:

Юрий Альпертен

- Родился 16 июня 1957 года в Таллинне. В 1979 году окончил Таллинн-скую консерваторию по классу фортепиано профессора Бруно Лукка. В 1979-1985 годах учился в Ленинград-ской консерватории (класс оперного и симфонического дирижирования проф. Ильи Мусина).
- С 1985 года – дирижер Национальной оперы «Эстония» (2002-2004 – главный дирижер). В 1994-2000 годах – главный дирижер симфонического оркестра Эстонской академии музыки. С 1998 года – главный дирижер Пярнуского городского оркестра.
- С 1993 года преподает в Эстонской академии музыки и театра. Кавалер ордена Белой звезды IV класса (2009), лауреат театральной премии Харьюмаа (2012) и ряда других премий.

Юри Альпертен
на столетнем
юбилее Нацио-
нальной оперы
«Эстония».